

э 0.1

1997

ССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Иссертационный совет Д 003.26.01 по филологическим наукам

На правах рукописи

НАМЖИЛОН ЦЫРЕТОР НАМЖИЛОВНА

Лексика северноселенгинского говора как фактор организации
внутриэтнического и межэтнического общения

Специальность 10.02.16. - монгольские языки

Автореферат
сертации на соискание ученой степени кандидата филологических
наук

Улан-Удэ
1997

Работа выполнена в отделе языкознания Бурятского института общественных наук Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор Бураев И.Д.

Официальные оппоненты:

Чагдуров С.Ш. - доктор филологических наук, профессор

Жаргалов А.С. - кандидат филологических наук.

Ведущая организация - кафедра восточных языков и лингвострановедения Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств.

Защита состоится 21 февраля 1997г. в 10ч. на заседании диссертационного совета Д 003.26.01 в Бурятском институте общественных наук СО РАН (670047 г.Улан-Удэ, ул.Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ВЦ СО РАН (г.Улан-Удэ, ул.Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан "18" января 1997 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Дырхеева Г.А.

Общая характеристика работы.

Актуальность темы. Вопросы истории бурятского языка, его письменности и развития норм литературного бурятского языка, а также изучение всех его говоров и диалектов до сих пор еще не нашли окончательного решения. Известно, что с 1936 года бурятский литературный язык стал базироваться на хоринском диалекте. Однако сам хоринский диалект не является единым языковым массивом. Экспедиционные обследования последних лет показали, что он состоит из ряда заметно различающихся друг от друга говоров. Ц.Б.Цыдендамбаев считал, что хоринский диалект состоит из 4 говоров: собственно хоринского, агинского, тугнуйского и иволгинско-оронгойского. Относительно последнего ученый делает оговорку, что он еще окончательно не уточнен.¹ А Л.Д.Шагдаров утверждает, что "состояние изученности бурятского диалекта следует признать совершенно неудовлетворительным". Исходя из внутренней неоднородности самого хоринского диалекта и его недостаточной изученности Л.Д.Шагдаров заключает, что только "сравнительное изучение хоринских говоров с литературным бурятским языком, выяснение, в какой степени получили отражение в нем специфические особенности этих говоров, позволяет получить более конкретные представления о живой народно-разговорной основе литературного языка. Кроме того, на основе выявления особенностей каждого из хоринских говоров следует изучить взаимоотношение хоринских говоров между собой"². Вероятно, это обстоятельство послужило причиной появления среди бурятоведов постоянной полемики - на каком диалекте лучше было бы бурятскому литературному языку базироваться для дальнейшего успешного развития и функционирования.

Большинство языковедов выступает за сохранение хоринской основы бурятского литературного языка и за его дальнейшую демократизацию, активно используя лексическое богатство других диалектов, в разумных пределах вводя в языковой оборот слова и выражения из современного монгольского и старописьменного монгольского языков. Однако, немало сторонников перевода бурятского литературного языка на цакающую (сартульско-цонгольскую) диалектную основу, близкую монгольскому. Некоторые ратуют за прямой переход на калха-монгольскую литературную основу и перевод письменности на старописьменный монгольский язык, поскольку наши этно-языковые корни одни и монгольские народы должны стремиться к языковому единению. Это трудные вопросы, но для решения их недостаточно

одних утверждений или отрицаний, необходимы конкретные исследования, прежде всего, основного хоринского диалекта, лёгшего в основу бурятского литературного языка. Даже только по этой причине на сегодняшний день кажется архиактуальным исследование одного из хоринских говоров - детальное описание особенностей лексики говора северноселенгинских бурят, как одного из представителей в составе носителей хоринского диалекта. Тем более, что этот говор занимает особое место в системе хоринских диалектов. Его носители этнически не относятся к хоринскому племенному объединению, они по своему происхождению являются в основном будагатами, частично эхиритами, прибывшими на занимаемую ими ныне территорию около 300 лет назад. Возникает дополнительный вопрос: как эхириты и будагаты за сравнительно небольшой исторический срок, проживая достаточно компактно и фактически на одном месте, перешли на другой - хоринский говор.

Таким образом, исследование конкретных говоров хоринского диалекта - живой базы литературного языка, их звукового строя, грамматики и особенно лексики, как самой пластической части языка, - является важной и актуальной задачей бурятоведения, имеет не только научное, но и большое практическое значение. Такое исследование позволит наиболее полно выявить богатство и потенциальные ресурсы хоринского диалектного объединения за счет его говоров.

Основной целью данного исследования является описание характерных особенностей лексики северных селенгинцев, ее сопоставление с лексикой не только хоринских, но и контактирующих с ними южно-селенгинских бурят, а также выявление остаточной лексики от исходного эхирит-будагатского говора и рассмотрение специфических явлений, послуживших факторами организации внутриэтнического и межэтнического общения.

Для реализации поставленной цели требовалось решить следующие задачи:

1. Учет и критическая оценка всего проделанного по исследуемому говору, использование всего ценного в них.
2. Показать динамику развития лексики северных селенгинцев.
3. Выявить остаточный лексический пласт, характерный для исходного эхирит-будагатского диалекта.
4. Выявить лексику, заимствованную из южно-бурятского диалекта, как результат контактирования разных говоров.

5. Выявить наиболее характерные лексические расхождения с самим хоринским говором.

6. Уточнить степень дистрибуции выявленных групп лексики в ареале северноселенгинского говора.

7. Определить те особенности лексики северных селенгинцев, возводящих их говор до уровня самостоятельного в составе хоринского диалектного объединения.

8. На основе полученных данных определить место лексики северноселенгинцев как в самом хоринском диалекте, так и в литературном бурятском языке.

Основными методами исследования являются историко-сравнительный, сравнительно-сопоставительный и частично лингвогеографический.

Данное исследование опирается на положение современного языкознания об историческом подходе к фактам языка, о единстве языка и общества, о связях языка с практикой и сферой человеческой деятельности, с обязательным учетом прикладных задач, стоящих перед наукой о языке.

Научная новизна работы заключается в том, что в бурятоведении впервые предпринята попытка разностороннего исследования словарного потенциала говора, образованного в результате контактирования с другими генетически не близкородственными говорами бурятского языка, имеющего отличную от других бурятских говоров историю - эволюцию длиною в 300 лет.

Практическое ее значение видится в том, что полученные в диссертации данные и выводы будут способствовать более углубленному изучению различных аспектов лексики не только данного говора, но и бурятского языка в целом. Ряд выводов, содержащихся в диссертации, может быть использован языковедами в курсах по лексикологии и диалектологии, историками - при освещении процессов миграции бурятских племен и родов, при создании диалектных и иных словарей, при изучении бурятского языка в школах и других учебных заведениях.

Апробация работы носила разносторонний характер: от участия в работе круглых столов и выступлений на конференциях до написания учебного пособия по бурятскому языку и выпуска терминологического словаря на двух языках.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав и заключения. В библиографии, кроме списка использованной литера-

туры, дан полный список информантов.

В приложении даны:

- 1) словарь рудиментной лексики
- 2) словарь узкодialeктной лексики.

Основное содержание работы.

Во введении наряду с характеристикой используемого материала даются подробные исторические сведения о добайкальских бурятских родах, переселившихся в Забайкалье и причинах их переселения, описывается контактирование с другими племенами, в результате чего возник особый говор со своеобразной лексикой. Диссертант, придерживаясь современной классификации бурятских диалектов, относит северноселенгинский говор к хоринскому наречию.

Для уточнения многих исторических сведений и языковых факторов, автор основывался не только на опубликованных статьях и монографиях, но и широко использовал сведения информантов, данные исторических летописей, занимался интерпретацией материалов по топонимике и антропонимике, исходил также из личных наблюдений и записей, произведенных за последние 10-20 лет.

Основные носители северноселенгинского говора - это выходцы из Добайкалья, потомки булагатских и эхиритских родов. В настоящее время они проживают на территории нынешнего Иволгинского района в селах Сужа, Нурселение, Нижняя Иволга, Хойто бэе, Верхняя Иволга, Хурумша, п.Иволгинск, Гильбира, Оронгой и северной части Селенгинского района в селах Харгана, Жаргалантуй, Тохой, Сутой, Бургастай, Тухум. По этнической истории этого края имеется немало интересных материалов и исследований. Следует упомянуть имена известных бурятских летописцев Д. Ломбоцыренова, Долсамдоржо Гемпилона, Ц.-Д.Бадмацыренова, Будожал Будаева, Д.Ёндонова, Б.Эрдынеева. Все они причастны к составлению или продолжению исторической хроники селенгинских бурят. Немало труда вложили в расшифровку летописных хроник, в изучение истории селенгинских бурят известные ученые С.А.Токарев, Г.Н.Румянцев и наши земляки С.Д.Дыльков, Б.Б.Ватуев, С.Б.Будаев.

Одним из последних исследований, касающихся затронутой в данной диссертации темы, является капитальный труд Ц.Б.Цыдендамбаева "Бурятские исторические хроники и родословные (Историко-лингвистическое исследование)", вышедший в 1972 году. Автор приходит к заключению, что этнический состав селенгинских бурят

добайкальского происхождения состоит: "из булагатских и присоединившихся к ним родов-алагуй, готол, бумал, уута, буин, шаралдай, ашибагат, бабай, енгут, муруй, хоогой, хурамши, каранут, хонгодор, шолок, хангин и другие, а также из эхиритских и присоединившихся к ним родов - абагай, ольгон, чино, абганут, баяндай, хэнгэлдыр, хайтал и другие"³. Эти достоверные сведения получены в результате анализа различных летописей селенгинских бурят и трудов предшественников по этнической истории края. Но их главная ценность в том, что выводы автора основаны на собственных записях, произведенных у анатоков старины и собственных родословных не столько в селах Селенгинского и Иволгинского районов Республики Бурятия, в местах нынешнего их обитания, сколько в Иркутской области, в местах, откуда перекочевали эти роды на ныне занимаемую ими территорию. Эти записи произведены во время экспедиционных обследований местных говоров и родоплеменной структуры носителей этих говоров: в 1962-1964 годах в Иркутской области, чуть позже - в населенных пунктах Селенгинского и Иволгинского районов Республики Бурятия.

Переселение бурят из Добайкаля в Селенгинскую долину Забайкалья, как явствует из сведений летописцев и историков, носило принудительный характер. И само передвижение растянулось на длительное время. Оно сопровождалось различными изменениями маршрутов, возвращениями, перекочевками на другие места и т.п. Одним словом, было трудно навсегда покинуть обжитые места и родные очаги.

Но тем не менее в этом массовом движении бурят с северной части Байкала на его южные просторы можно наметить 2 этапа. По свидетельству летописца Ю. Ломбоцренова первый этап заселения бассейна Селенги булагатскими племенами проходил примерно в 1630-1670 гг. О причинах передвижения этого периода в "Истории Бурят-Монгольской АССР" сказано следующее: "Сюда (Селенгинскую долину) приходили многие группы бурят, убежавших из-под предбайкальских острогов от притеснений острожных управителей"⁴.

Второй этап переселения бурят с ангарских и ленских берегов на северную часть Селенгинской долины хронологически связан с самым началом XVIII века, когда происходила принудительная разверстка бурят на укрепление охраны южных границ уже установившейся тогда Российской империи на Востоке.

В составе селенгинцев - выходцев из Добайкаля встречаются

представители Хоринских родов - шарайт, галаут, гучит. Они могли примкнуть к булагатам и эхиритам здесь, т.е. по мере прибывания их в Забайкалье. Можно предполагать и другое, поскольку хоринские шарайты, галауты и гучиты часто встречаются в исконных местах проживания западных бурят в Иркутской области, то вполне могли они вместе совершить этот вынужденный переезд. Независимо от этого северноселенгинские булагаты и эхириты занимали одну или смежную с хоринцами территорию по долине северной части Селенги. За 300 и более лет постоянного и оживленного контакта хоринских и эхирит-булагатских племен естественно происходило и взаимодействие их говоров. Эти бурятские говоры довольно близки по своему грамматическому строю и другим признакам. Неслучайно в этом отношении замечание одного из крупнейших собирателей устного народного творчества бурят Ц.Жамцарано: "Наречие эхиритов и булагатов ближе даже к наречию... хори-бурят, нежели к наречию аларских, части балаганских. Я мог свободно говорить с эхиритами и булагатами, тогда как с балаганскими и аларскими объяснялся с запинками. У эхиритов и булагатов несколько режет ухо их отрывистое и громкое произношение предложений, с ударением в конце"⁵.

В настоящее время все бурятские диалектологи единодушны во мнении, что говор северноселенгинских бурят является одним и ведущих в системе хоринского диалектного объединения. Об это очень образно писал Ц.Цыдендамбаев: "основной массив (очевидно около трех четвертей) селенгинцев-выходцев из Добайкалья по своему языку в значительной мере охорился"⁶. Охориванию языка северноселенгинцев в первую очередь способствовали близкие контакты с представителями хоринских родов. По всей вероятности, к моменту переселения добайкальцев на селенгинскую сторону, мест эти были заселены хоринскими племенами. Об этом свидетельствует местная топонимика. Например, название одного из озер, расположенного недалеко от с.Оронгой "Тоором нуур". Слово "тоором" хори-бурят означает "озеро". По-видимому, переселенцы, не зная значения этого слова, прибавили к нему еще слово "нуур" - озеро в результате получилось "Тоором нуур", т.е. озеро-озеро. И возьмем название поляны за Хурамшой - "Мэхээртэ". Оказалось "мэхээр" по хори-бурятски означает "трехиха живородящая". Такой слова у северноселенгинцев нет.

В пользу версии, что земли эти были заселены до прихода д

байкальцев нам удалось раздобыть одно серьезное доказательство. Это старинная песня, которая передается из поколения в поколение, как родовая ценность и до сих пор исполняется на народных гуляниях. Главное, что нас интересует, это последние две строчки этой песни: Олон хушуу зоноороо

Танилсажа ядалайльди.

Выходит, что очень трудно познакомиться с народами этих хушунов. Значит, к моменту переселения добайкальцев, здесь было с кем познакомиться и у тех и у других постепенно начали складываться различные отношения территориального, социального, экономического и взаимобрачного характера.

Глава I. Терминология родственных отношений - показатель качественного развития лексики северноселенгинских бурят.

Исследование лексики северноселенгинских бурят в данной диссертации начинается с анализа терминологии родства и родственных отношений как древнейшего пласта словарного состава данного говора. Кроме общих терминов родства здесь рассматриваются внутрисемейная терминология, термины родства по браку, термины родства по отцовской, по материнской линиям.

Весь этот материал подвергнут сравнительному анализу с соответствующими данными не только контактирующихся говоров - хоринского и южно-селенгинского, но и с аналогичными лексическими материалами калка-монгольского, калмыцкого и старописьменного монгольского языков. Такой подход позволяет судить о существовании единой общемонгольской системы родственных отношений и отражающей их терминологии в более раннем периоде их развития и дает возможность проследить саму динамику изменения этого класса лексики в каждом конкретном диалекте или языке. Кроме того, именно такая методика исследования может выявить причину появления специфических терминов, в исследуемом говоре, составляющих одну из характерных его особенностей.

В настоящее время, когда повышается интерес бурятского народа к своему традиционному прошлому, когда растет его тяга к познанию утраченных ценностей этнокультуры, традиций и обычаев, изучение терминов родства и родственных отношений имеет большое практическое значение. Многие обряды и обычаи, проводимые в повседневной жизни бурят, требуют точного соблюдения особых правил,

почитания норм этикета именно в междоусобных отношениях и связях.

За годы проиавола и аастоя в нашей стране многие национальные традиции были разрушены, оказались официально запрещенными многие народные праздники и празднества, имеющие тысячелетние традиции. Сейчас, когда идет активный процесс возрождения национальной культуры, исследования в этой области приобретают особую актуальность.

Итак, изучение терминов родства северноселенгинского говора показали, что в рассматриваемом говоре возрастает число терминов, постепенно переходящих в разряд архаичных. Такие слова, как элинсэг// хулинсаг 'предки', уг 'корень', уг залгагша 'наследник', угтай гарбалтай хун 'человек знатного происхождения', уг үндэһэн 'корень родства, начало', уггуй 'безродный', бүлэ 'семья', уужтай// сээжтэй 'жена, супруга', хээтэй 'старшая (замужняя) сестра или жена старшего брата или дяди', бергэн 'старшая невестка, тетя' почти не функционируют в данном говоре, не используются в активной повседневной речи. А такие термины как веэли 'двоюродные братья и сестры по отцовской линии', бүлэ// бүлээлэн 'двоюродные братья и сестры по материнской линии', венсэр 'троюродные братья и сестры', хаялала// хаялалы 'четверюродные братья и сестры', хаянсар// хаялид 'пятерюродные братья и сестры', почти не используются по своей действительной номинации, а обрели обобщенный характер со значением 'потомки, дальние отпрыски одного корня'. Кроме того, даже такие слова как эжы 'мама', баабай 'папа' приобретают соответственно значения 'бабушка', 'дедушка', так как их заменяют русские заимствования: 'мама' и 'папа'. Такие слова как нагса 'дядя по матери', абга 'дядя по отцу', аша 'внук от сына', зээ 'внук от дочери' не всегда имеют четкое разграничение, в большинстве случаев заменяются заимствованиями: 'дядя' и 'внук'.

В северноселенгинском говоре употребляются некоторые термины, не встречающиеся больше ни в одном из сравниваемых здесь говоров и языков: һамай 'бабушка по отцу', һальбээ//һэдхээ 'родственник', анда куда 'сват по обменному браку', узуур нагса// үзүүр нагса 'родственник со стороны матери', уужтай//сээжтэй/хээтэй в значении 'замужние женщины'. Наличие этих слов характеризует северноселенгинский говор как имеющий в своем составе своеобразное диалектное наследие, которое, к сожалению, уходит в

настоящее время в пассивный словарный запас.

Глава 2. Ареальная лексика - банк памяти исторических локальных преобразований.

2.1. Остаточная лексика исходного эхирит-булагатского говора.

Одной из специфических черт северноселенгинского говора является наличие в нем достаточно большого пласта лексики исходного эхирит-булагатского диалекта. Этот пласт используется очень активно в речи носителей данного говора. Например, слово *сомоо* 'зарод, стог сена', сочетание *сомоо сомоолхо// сомохо* 'стоговать сено': в эхирит-булагатском *сомоо-id.*, а в значении 'вершить стог' в эхирит-булагатском употребляется сочетание *сомоо толгойдо*. В хоринском диалекте 'стог сена' обозначается словом *hүри*, а в северноселенгинском *hүри* 'летник, летний дом'. См. примеры из постоянной обиходной лексики северноселенгинского и эхирит-булагатского говоров: *улаагана* 'ягода', *уур* 'гнев', *урьдаар* 'вайма', *viхэй* 'название болезни губы', *гэм* 'молочница у детей', *vhээ* 'потолок в хлеве, кошаре', *хиимэ* 'самодельная колбаса', *хошко* 'совок для мусора', *хэдэгэнээн* 'оса', *батаганаан* 'комар', *боргооһон* 'мошкара' и т.п.

В эхирит-булагатском и северноселенгинском наречиях встречаются древнейшие монгольские слова, которые в самой Монголии давно вышли из употребления. Например, слово *зантуу* 'ведро, подойник'. Как пишет Ц.Б.Будаев: "... слово *джантау*, зарегистрированное в "Сокровенном сказании" в значении "чарка", сохранилось в качугском и некоторых других говорах бурятского языка (качугском, байкало-кударинском *зантуу*) в значении 'подойник, ведро'⁷. В этом же значении слово *зантуу* до сих пор бытует в говоре северноселенгинцев - потомков эхиритов и булагатов, оторванных от своих корней почти три века назад.

Встречается также немало выражений, которые употребляются "механически", например, современные носители говора не могут объяснить почему к детям обращаются (ласково) "*vбгаан*", или почему, когда человек, после приема пищи выходит на улицу, его предупреждают: "*Амаа арша, хомхой долёохо*", дословно: 'Вытри рот, жадный вылизет' и т.п. По всей вероятности, такого рода словоупотребления также относятся к остаточным явлениям. Они создают особый колорит речи и несомненно способствуют выразительности, богатству, гибкости языка северных селенгинцев. Как

раз в вкраплении такого рода диалектных выражений и слов нуждается современный бурятский литературный язык. Так называемая остаточная лексика - это прямое свидетельство исторического прошлого жителей каждого конкретного региона. С того времени, когда предки северных селенгинцев являлись носителями эхирит-булагатского диалекта и до настоящего момента, когда в регионе северной Селенги образовался своеобразный говор, входящий уже в состав хоринского диалекта, прошло около 3 столетий. Такой срок оказался вполне достаточным для трансформации говора из одной диалектной группы в другую. Дальнейшее изучение языковых трансформаций, происшедших за этот период в северноселенгинском говоре, будет весьма полезным для работы по демократизации бурятского литературного языка, преодолению диалектных различий и подъема его престижа. В настоящее время, когда бурятский язык утратил многие свои функции и оттеснен на периферию социальной сферы, поиск новых методов и средств для его дальнейшего успешного развития, включая даже правовые меры в соответствии с законом "О языках народов Республики Бурятия" является задачей первостепенной важности. Изучение особенностей лексики северноселенгинского говора в связи с вопросами развития бурятского литературного языка и обогащение последнего за счет диалектов будут иметь принципиальное значение в осуществлении государственной программы сохранения и дальнейшего развития бурятского языка, языка титульной нации Республики Бурятия.

Как указывалось выше, наиболее существенные и оригинальные особенности, составляющие специфику северноселенгинского говора, касаются в основном различных сторон его словарного состава. Морфологические категории говора мало отличаются от хоринского. Однако, остаточные явления обнаруживаются и в области морфологии и фонетики. Наряду с характеристикой остаточной лексики следует попутно коснуться некоторых морфологических особенностей. Например, предельное деепричастие в рассматриваемом говоре сохранило эхирит-булагатскую форму на -сар, -са, -саа, хотя параллельно используется деепричастная форма с суффиксом -тар, как в хоринском и южном наречиях: ябтар//ябсар 'пока не сходит', ертар//ерсар 'пока не придет' и т.п. Образование множественного числа существительных, оканчивающихся на неустойчивый -н, при помощи суффикса -д, по всей вероятности, также надо отнести к рудиментам западного диалекта. Оформление винительного падежа на -и, -ы

относятся к явлениям этого же порядка: Бадмы дуудааб 'Я позвал Бадму', вместо Бадмые дуудааб; Балдани харааб 'Я видел Балдана' вместо Балданиие харааб; Энээни абааб вместо Энээниие абааб 'Я купил вот это'.

2.2. Следы контактирования с южно-селенгинскими бурятами.

На первый взгляд кажется, что лексика северных селенгинцев изобилует заимствованиями из южно-селенгинского (цонгольского и сартульского) говора. Однако, анализ данной группы лексики показывает, что этих заимствований не так много и чаще всего они встречаются в повседневном обиходном словоупотреблении. Например, зуруул 'спички', гурил 'мука', шэрэм 'плитка', талхан 'хлеб', зулвадка 'кожаный мешок для чая', завьяа 'чайник', шэгшүүр 'сито', харганаа 'веник', соожо 'замок' и т.п. Рассматривая эту группу заимствований, нетрудно заметить, что она в основном относится к быту, в большей части к предметам, с которыми имеет дело женщина в ходе ведения домашнего хозяйства.

По свидетельству информантов раньше были весьма оживленными брачные отношения между северными и южными селенгинцами. Южно-селенгинцы оказались главными поставщиками невест, поскольку среди бывших добайкальцев преобладало мужское население. Неслучайно сохранилось в народе выражение "бэрийн хэлэн", т.е. язык невестки. По этому поводу у северных селенгинцев появилась даже поговорка - наставление: "Турба хоноо хаа - голой ёһодо, арба хоноо хаа - айлай ёһодо", т.е. "Если проведешь три дня в чужом краю - ты должен соблюдать местные законы, а если проведешь 10 дней в чужой семье - ты должен соблюдать правила этой семьи". Появление такого рода поучений обусловлено языковыми препятствиями в семье с появлением невестки, носительницы другого говора.

2.3. Основные лексические схождения и расхождения с хоринским говором.

В многодиалектном бурятском языке часты факты лексических и грамматических расхождений даже между говорами, кажущимися на первый взгляд совершенно одинаковыми. Так, можно обнаружить много расхождений, фонетического, лексического и даже морфологического характера в северноселенгинском и хоринском говорах. Но

особенно заслуживает внимания изучение различий в лексике, что связано с решением насущных проблем развития бурятского литературного языка. "Изучение словарного состава бурятских диалектов имеет исключительное значение для лучшего овладения родным языком, ибо недостаточное знание диалектных различий, особенно в лексике, вызывает иногда немалые затруднения в общении носителей различных говоров"⁸.

Нередко лексические расхождения между северноселенгинским и хоринским говорами касаются самых широко употребительных слов: сев/сел. гурил - хор. талхан 'мука', сев/сел. талхан - хор. хилээмэн 'хлеб', сев/сел. аурмэ - хор. орёомог 'вид самодельной колбасы', сев/сел. ауруул - хор. шириэ 'спички', сев/сел. хвнэг - хор. нуулмаг 'ведро', сев/сел. мэшээг - хор. туулмаг 'мешок' и т.п. Во фразеологизмах и в других сочетаниях слов наблюдаются случаи, когда расходятся не все составные части, а лишь их отдельные компоненты: сев/сел. аабда зайгвй - хор. аабда тухагвй 'не имея свободного времени', сев/сел. абаха хэнэггвй - хор. абаха танаггвй 'никуда негодный', сев/сел. хэн янгвй - хор. хэн хэнгвй 'все без исключения' и т.п. Различия имеются и в области религиозной терминологии: сев/сел. сабдуур - хор. гуштаг 'кропило', сев/сел. нирваан дүрэ вэвүлхэ - хор. нирваанай жүнэ бариха 'умирать (о высокочтимых людях)', сев/сел. Буддын шажан - хор. Будаадын шажан 'буддийская религия' и т.п. Встречается немало примеров, показывающих большую конкретность или разнообразность лексики северноселенгинского говора в отличие от хоринского говора. Например, слова 'туесок' и 'туэ' (в игральных картах) в северноселенгинском говоре обозначаются соответственно твйсэ и твүвэ, а в хоринском говоре этим двум словам соответствует одно твйсэ; в северноселенгинском аоходхо - 'икать', а аоходхо 'мычать, рычать (о быке)', а в хоринском говоре им соответствует одно слово аоходхо; или возьмем глаголы в северноселенгинском говоре: эшхээхэ 'быть похожим на кого-то' и эшхээлдэхэ 'дразнить, подражать', им соответствует в хоринском говоре только одно слово һажааха. Подобные примеры можно без труда продолжить. Есть предположение связать это с тем, что северноселенгинцы в своем развитии претерпели "вынужденное" контактирование с различными племенами, попадали в новые условия и правила жизни, каждый раз появлялись новые потребности общения с носителями других говоров. По мнению психологов наличие одной лишь потреб-

ности еще недостаточно для осуществления направленного на ее удовлетворение поведения.

Нужно, чтобы среда, в которой протекает поведение, содержала в себе, как пишет психолог Д.Н.Уаанадае "ситуацию удовлетворения данной потребности. Когда субъективные и объективные факторы налицо, в субъекте возникает установка, представляющая собой определенное досознательное состояние готовности человека к определенному поведению. Именно установка объединяет упомянутые факторы в субъекте и направляет его на осуществление акта поведения"⁹. У добайкальцев-переселенцев, осваивающих новое место жительства, не знакомых с местными обычаями и условиями, возникала потребность в общении. Но, оказавшись в окружении разных диалектных норм, добайкальцам приходилось быть в постоянном психологическом напряжении, чтобы во-первых, быть правильно понятыми и, во-вторых, не нарушать местные обычаи, традиции и нормы поведения, чем можно было вызвать недовольство со стороны контактирующих племен. К примеру, покупая муку у южных бурят, надо было называть гурил, а у хоринцев - талхан. Подобное постоянное варьирование слов вызывало непрерывную мыслительную деятельность и в конечном счете обогащало, совершенствовало лексику. Со временем для северных селенгинцев не представляло особого труда свободно переходить с одного говора на другой. Такую языковую трансформацию совершили северные селенгинцы не от того, что так хотели или имели заранее запланированный план, а лишь от того, что они попали в ситуацию, где появилась такая потребность. В отличие от северных селенгинцев, хоринцы не испытали насильственного переселения в незнакомую среду. В вопросе овладения родным языком хоринцы занимают обособленное место. Эта обособленность заключается в том, что они имеют в качестве исходной точки идеальный образец в виде естественного процесса научения языку, причем только всему говору. "Появившись на свет человек в среде себе подобных научается языку с такой же неизбежностью, с какой научается ходить. С одной стороны, такое научение имеет много положительного из-за абсолютной эффективности"¹⁰, но с другой стороны, излишняя изолированность ведет к стереотипу о некоем особом положении своего языка, игнорировании всех других вариантов и возникновению трудностей в языковом общении с представителями других наречий. Анализируя характер лексических расхождений с хоринским говором необходимо отметить, что в связи с установле-

нием литературной нормы, оба говора стали дополнять друг друга через эти нормы. По-разному подходят северные селенгинцы и хоринцы к имеющимся в их говорах расхождениям с нормой литературного языка. У северных селенгинцев эти расхождения сразу себя не "выдают", хотя постоянно находятся в подсознании и проявляются исключительно в местной среде. Что касается расхождений хоринского говора, то они не контролируются и появляются в средствах массовой информации и в официальной речи сплошь и рядом. Особенно заметны фонетические расхождения: сев/сел. хэлэн - хор. хэлин 'язык', сев/сел. хэлэтэй - хор. хэльтээ, сев/сел. заакан - хор. жаакан 'маленький', сев/сел. аүдхэхэ - хор. жүдхэхэ 'тащить'; в области морфологии: в хоринском говоре в собственно вопросительных предложениях с частицей гv, вместо нее, появляется другая частица: ябаа гvш? - ябаагша? "ты пошел?", ябаа гvт? - ябаагта? "вы поехали?", наличие в хоринском говоре таких форм частиц, как гvбии/гvби, гээбы//гээби, гvб даа// гээб даа и т.п. Несмотря на то, что хоринский диалект лег в основу литературного бурятского языка, не все хоринские грамматические формы и фонетические явления приняты литературным языком. Был прав Ц.Б.Цыдендамбаев, когда писал, что "нельзя думать, что литературный бурятский язык создан на базе хоринского диалекта и только. Такое понимание суживает и, следовательно, обедняет наше представление о своем литературном языке, ибо на самом деле источниками его явились: старописьменный монгольский язык, послуживший литературно-книжной основой для современного бурятского языка; язык устного народного творчества бурят и хоринский диалект, ставшие живой разговорной основой для современного литературного бурятского языка"¹¹.

Характеризуя некоторые особенности фонетики северных селенгинцев следует признать, что состав гласных и согласных фонем говора полностью совпадает с составом фонем собственно хоринского говора и литературного языка. Однако при реализации фонем в этих говорах наблюдается некоторый разнобой. Например, явление оканья в начале слов: сев/сел. оһон - хор./лит. уһан 'вода', сев/сел. ходог - хор./лит. худаг 'колодец', сев/сел. ото - хор./лит. ута 'длинный', сев/сел. холһон - хор./лит. хулһан 'камыш', сев/сел. шолуун - хор./лит. шулуун 'камень', сев/сел. оргохо - хор./лит. ургаха 'расти' и т.п., употребление э вместо в: сев/сел. бэһэн - хор./лит. бvһэн 'пояс', сев/сел. мэшэн -

хор././лит. мвшэн 'звезда', сев/сел. эбшэн - хор././лит. үбшэн 'болезнь', сев/сел. бэшэ - хор././лит. бвшэ 'петля для пуговицы' и т.п.; наличие фонемы в в первом слоге: сев/сел. өлдөхө 'проголодаться', үлдэхэ 'гнать', - хор././лит. в обоих значениях одно слово үлдэхэ; сев/сел. өнөр 'благополучный', үнэр 'запах' - хор././лит. одно слово үнэр; сев/сел. хөргөхө 'остудить', хүргэхэ 'проводить' - хор././лит. одно слово хүргэхэ; наличие долгого монофтонга ээ вместо ы/ий: сев/сел. эрхээ - лит. эрхы 'большой палец', сев/сел. шэгшээ - лит. шэгшы 'мизинец', сев/сел. дэмээ - лит. дэмы 'аря'. Что касается звуков, то это излишняя палатализация согласных в собственно хоринском диалекте, которая отмечается всеми исследователями: сев/сел. хэлэн - хор. хэлин 'язык', сев/сел. тэрлэг - хор. тэрлиг 'тонкий калат', сев/сел. бэдэрхэ - хор. бэdirхэ 'искать', сев/сел. эрэхэ - хор.эрихэ 'просить' и т.п.

Глава 3. Специфическая лексика как механизм сохранения внутриэтнических традиций.

Одной из характерных особенностей словарного состава северноселегинского говора является наличие в нем уакодиалектных слов, которые несмотря на внешние и внутренние воздействия на говор, сохранились в более или менее первоадаванной форме и продолжают выполнять свои первичные функции, способствуя сохранению внутриэтнических традиций носителей данного говора. Это, в основном, бытовая лексика, трудно поддающаяся этимологизации. Например, сабхан - кастрюля, божуу - стригущий лишай, хяраа - клевер, хоомхо - медовая роса, гойдо - ненадежный, дошедший человек, даржан - непутевый и т.п.

Большой интерес представляет табуированная лексика: сахалайн үндэгэн//уһа нүдэн 'плакса', умалаг багша 'капризуля', шэмүүр 'сладости', сагаан махан 'белое мясо' (змея), камуута 'волк', гөөлэн бүхэдэ диилдэхэ 'спать', үндэрлэхэ 'вставать утром с постели', хонхойхо 'спать' (недоброжелательное), шоройлхо 'кушать' (недоброжелательное) и другие. Такого рода эвфемизмы используются при характеристике людских недостатков, болезней, пороков, как особый прием использования наиболее деликатных выражений для передачи некоторых понятий, прямое выражение которых казалось бы не совсем корректным. В северноселегинском говоре

слово зрью 'ненормальный' заменяется словом дутуушаг, हुлаग्वй, тиимэшаг, шалбааг, сочетание слов шал шалбааг 'ненормальный', дохолон - хул муутай 'хромой', һохор - нодэ муутай 'слепой', худгайша - гартаа сабуутай, юмэ няадаг 'вор', һогтуу - халангы, амандаа хулшувтэй, нодэндөө шэлтэй, ашагвй, һалхья табинги 'пьяный и т.п.

Одним из достаточно консервативных обычаев у бурят является нареkanie детей. У северных селенгинцев распространены присвоения имени двойными, тройными словами с весьма отрицательным содержанием: например, мальчик носит имя Муу вхин, что в прямом переводе означает 'Паршивая (плохая) девочка', или Улаан Хамар 'Красный нос', или просто Муумаи 'Что-то скверное' и т.п. По некоторым разъяснениям информантов такие имена присваивались с целью обмана нечистой силы, чтобы она (нечистая сила) не обращала внимания на ребенка и не отняла его у родителей. Чаще такие имена присваивались, когда в семье умирали дети или рождались только дети одного (женского) пола. Нередко встречались имена охранного или угрожающего содержания, типа Сэрээтэр, что в тибетском языке означает 'Повелитель чертей'. Носители данного говора не пренебрегали прозвищами. Многие из них до сих пор наряду с собственными именами носят прозвища типа Олхой, Хаасай, Бааяа, Попос, Хотос, Дяадья и т.п.

Что касается вообще собственных имен, то для данной местности имеется ряд традиционных имен как Вимба, Даба, Нима, Пурбо, Буда, Лубсан, которыми нарекали и мальчиков и девочек, что приводило к определенным трудностям.

В местной топонимии тоже можно проследить ряд особенностей, характерных для данного региона. Это, во-первых, перенесение названий местностей, гор и рек с прежнего местожительства. Такие названия, как Олаон, Хурамша, Харгана, Хамнай, Борсой и другие являются названиями не только прежних мест проживания, но и родовыми названиями племен-переселенцев. Много местных названий, определяющих природные богатства и географические условия: Загустай - место, богатое рыбой, Шэнзһэтэ - места, богатые лиственницей, Халшута - места, богатые выдрой, Боросто - дождливое место (по-русски Бараты). Последнее название на местном языке звучит как Вороостын намаг. Есть географические названия, которые остались как свидетельство былой истории этих мест. Например, Оронгой 'название реки' происходит от слова оронго - род антило-

пы, имеющийся сейчас лишь в Африке. Или в старинной песне упоминается олбо 'белка - летяга', которых так много, что они заполнили все вершины и утесы:

"Оронгынгоо эхиндэ	У устья Оронгоя
Олон үнгүн сэгсэг бии.	Много разных цветов.
Узуурайнгаа нарииханда	Они качаются на ветру
Найган найган хиисэнэ.	На тонких своих ножках.
Олбын хувчун инзаган	Детеньши белки летяги
Байса дээгүүр тараасалаа.	Заполнили все утесы.
Олон хушуу зоноороо	А мы вот никак не можем
Танилсажа ядалайльди.	Познакомиться с народами всех краев.

Заключение.

Бурятский язык в настоящее время переживает не лучшее состояние своего развития. Выросло целое поколение бурят, не владеющих родным языком. Одной из главных причин такого состояния, на наш взгляд, является территориальная разобщенность бурятской нации, что далеко не способствовало развитию национального самосознания части бурят. Между тем, "в каждом языке заложены огромные возможности совершенствования и обогащения словаря одного языка из лексических богатств другого языка"¹². Ярким подтверждением этого тезиса является история развития языка северных селенгинцев.

Образование северноселенгинского говора как самостоятельного в составе хоринского диалектного объединения - это яркое свидетельство наибольшего проявления резервных возможностей бурятского языка в одном из своих аэвньев и представляет собой исторический пример прогрессивного развития языка в контактных и адаптационных условиях. В своем нынешнем состоянии северноселенгинский говор является средством передачи социального опыта предыдущих поколений. Как писал А.Н.Леонтьев: "Перед человеком целый океан богатств, веками накопленных бесчисленными поколениями людей. Человеческие поколения умирают и сменяют друг друга, но созданное ими переходит к следующим поколениям, которые в своих трудах умножают и совершенствуют переданные им богатства - несут дальше эстафету человечества"¹³.

Диалектные своеобразия, зафиксированные в диссертации, вполне могут быть использованы в качестве источников пополнения и

обогащения словарного состава литературного бурятского языка, а сама история развития языка северных селенгинцев может послужить в какой-то мере ориентиром совершенствования и дальнейшего развития современного бурятского языка.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Лексическое своеобразие северноселенгинского говора. В кн. Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1985.

2. Терминология родства в говоре северноселенгинских бурят. - В сб. Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987.

3. Опубликованы тезисы доклада на тему "Проблемы бурятского языка в Республике Бурятия" в научных трудах Института языкознания РАН в 1994 году. г.Москва.

4. Опубликованы тезисы доклада на тему "Религиозная терминология в повседневной жизни бурят" в трудах БНЦО в 1995 г. Г.Улан-Удэ.

5. Местная антропонимия у северноселенгинских бурят. Опубликован в трудах ИГУ, 1996 год.

6. Роль родного языка в восстановлении утраченных национальных традиций и обычаев. В трудах Института языкознания РАН г.Москва 1996г.

Другие публикации:

1. Учебник бурятского языка "Оюн түлхүүр" в 1993 году.

2. Учебник по бурятскому языку для 6 класса по 3-ей школьной программе в 1993 году в соавторстве с Жамбаловой О.Ц.

3. Издан терминологический словарь реалий буддийской философии, основанный на традициях этнопедагогики бурятского народа под названием "Волшебные четки" на двух языках.

Кроме того, некоторые положения диссертации докладывались на научно-практической конференции "Цыбиковские чтения" в 1989 году, на Всесоюзной научной конференции по проблемам двуязычия в 1989 году в г.Москве, на Всероссийской научной конференции по проблемам национальных языков России в 1994 году в г.Москве, на научно-практической конференции по проблемам и перспективам изучения бурятского языка в учреждениях образования с русским языком обучения в 1995 году в Улан-Удэ, на научно-практической конференции "Проблемы бурятского народа и перспективы его развития" в 1996 г. в г.Улан-Удэ.

Примечания

1. Ц.Б.Цыдендамбаев. О диалектных различиях в разговорном бурятском языке. Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып.3, серия востоковедная. Улан-Удэ, 1960, с.146.

2. Л.Д.Шагдаров. О некоторых языковых особенностях тугнуйских и агинских бурят и степени их отражения в литературном языке. // Исследование бурятских говоров. Вып.2, 1968, с.155.

3. Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с.260.

4. История Бурят-Монгольской АССР, Улан-Удэ, 1954, с.98.

5. Архив Востоковедов ЛО ИВ РАН, фонд 62, оп.1. №58.

6. Ц.Б.Цыдендамбаев. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972, с.260-261.

7. Ц.Б.Будаев. Лексика бурятских диалектов, 1978, с.13.

8. Ц.Б.Будаев. Указ.соч., 1978, с.13.

9. Д.Н.Уанадае. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси. 1961.

10. А.А.Алхаишвили. Некоторые аспекты психологического обоснования обучения младших школьников устной иноязычной речи. // Вопросы психологии обучения младших школьников второму языку. Тбилиси 1977, с.64.

11. Ц.Б.Цыдендамбаев. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка. // Вопросы литературного бурятского языка. Улан-Удэ, Бурятское книжное изд-во. 1963, с.5-6.

12. А.Е.Супрун. Лекции по языкознанию. Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, Минск, 1971, с.101.

13. А.Н.Леонтьев. Проблемы развития психики. М., 1983, с.10.

1/3/1981